

С воодушевлением, испытывая глубокое чувство умиротворения, прочитала подборку стихов Миясат Муслимовой. Её стихи отзывались во мне тем особым сродством людей, которые волею судеб живут под одним небом, соединены географией места и почти идентичны на клеточном уровне, поскольку с детства дышат терпким воздухом Предкавказья. Творчество этой талантливой поэтессы сродни созданию удивительных садов, когда произведения словно парят в безбрежном пространстве воображения, уводя нас, читателей, в мир духовных оазисов, маня вызревшими плодами, культивированными в тесном союзнчестве метрики, стиля, языка и гармонии.

Начав чтение, я поймала себя на мысли, что многое из написанного уже живёт в моей голове, но образы эти родились из восприятия не слухового, но зрительного. Заинтересовавшись этим эффектом наложения, я стала изучать историю создания стихотворений и выяснила, что они представляют собой часть цикла, посвящённого работам художника Нико Пиросмани. Это стало прекрасным поводом для обзора – написать о пусть и разделённой во времени, но всё же совместной работе двух талантливых людей, художника и поэтессы.

Плотная смысловая наполненность, переплетение беспрецедентно прекрасных метафор, собственный узнаваемый лиро-эпический язык поэтессы – всё это насыщает читателя надолго, заставляя и после прочтения длиться возвышающему шлейфу позитивных эмоций и радостных сопереживаний в диапазоне вполне осязаемой, энглифической предметности. Нарратив автора так убедителен ещё и потому, что описываемый Миясат мир глубоко ею изучен, понят и транслируется с всепрощающей любовью, которая по силе может сравниться только с любовью вселенской, космической. Герои её стихов списаны с прожитой, освоенной и возведённой в ранг

нового рая действительности. Эта натура так добросовестно преобразована и возвеличена поэтическим языком автора, что на ум невольно приходит сравнение с судьбой самого Пирсmani, – когда самое дорогое, сама жизнь, становится искренним и беззаветным даром земле и людям, на ней живущим.

Автор вкладывает в свои строки глубинную заботу об отечестве, лёгкую, словно напетую ребёнком, мелодию повседневного бытия и вечный диалог между горним миром и земной юдолью. И смысл этот – не обременительная демагогия, а истинное проживание вместе с Родиной, своим народом бед и радостей, удач и поражений, молитв и разговоров, стеснённости и достатка.

Хочется отметить деликатный психологизм текстов Миясат. Пронзительно скроенное «острожные скрипки запнулись» притягательно всем, кто хоть однажды переживал это острое звучание завершающего бемоля на кончике смычка. Мотивы и действия её персонажей списаны с людей присных, знакомых, понятых. Они трогательно несовершенны в требующем ежедневного будничного подвига гуманизме, но искренни и чисты в помыслах, ибо что может быть филигранней, если «мир сторожит мальчишка с тихим псом». Нейтральность позиции автора, работающее на сдержанную, почти стороннюю подачу идиологемы расставания, жертвенности, прослеживается в стихотворении «Прощание с оленем». В сочетании сначала вытянутой строки, а потом лаконично сжатой (как не вспомнить Лорку!) демонстрируется импульсивность, ритмичность действия и бережного прикосновения к творению великого художника, так же смело написанному белым по чёрной клеёнке.

Несомненной удачей являются выбранные Миясат Муслимовой ракурсы передачи информации и форма содержательной идеи всей представленной подборки. Сама герметичность поэтического мира достигается благодаря выразительному языку, который метафоричен и, одновременно, прост, наполнен лексемами будничной речи («Снова кормилица в белом / Держит кулич пасхальный»; «Нет рук нежней, улыбки нет дороже»), но в грамотной пропорции с лексикой возвышенной, мастеровито инкрустированной элементами торжественности («И в яблоке глаза дрожащий затон / Округло роняет ресничный бутон»).

Объём поэтического пространства вспыхивает энергией обживших стихи и наделённых всегда очень значимой функцией людей (кормилица, мальчик, женщина, младенец, поэт, мать, отец и пр.) и животных (золотистый жираф, чёрный лев, белые овечки, упёртый бык, тихий пес, питон, корова, ягненок и олень, рыбка, лани, щенки). Диву даёшься, как в столь небольшом объёме текста помещается весь этот деятельный, кипящий радостью каждодневного созидания мир, и как

персонажи, выполняя беспокойные смыслообразующие функции, органично уживаются в ладу со своими протагонистами.

Опозитизирование уже сорвавших аплодисменты всего мира образов гениального Нико само по себе является трудной задачей, ведь сказать нужно не хуже гения. С ощутимой долгоиграющей нотой послевкусия, когда, едва отведав одно блюдо со стола заботливого хозяина, хочется попробовать что-то ещё, Миясат Муслимова вводит нас в мир «Чёрного льва», щедрой рукой наполняя текст запоминающимися метафорами («юная боль винограда, / и алая старость вина»), «как сладкая кисть винограда, как горькая песня о нём»). Образы эти, словно перекочевавшие из стихотворения «Сбор винограда», прошивают подборку единством добросердечия и трудолюбия, вечным хождением солнечного круга по небу и прощанием с ним багровой от виноградного сока земли. А повторение припева наводит на мысль о сладкой застольной песне, когда уже и сам лев – грустный и немного уставший хозяин дома. Уставший от всего, что было и стало вокруг, как устаёт Творец от того, что сам и создал.

Словно подтверждая сравнение с прекрасным цветником, стихотворение «Ты – самое большое божье чудо...» прорисовывает и объединяет искрящиеся изумрудной красотой грани «пяти садов», наполненных трогательным колоритом примитивизма в смешении с безудержным романтизмом Бараташвили, нежной грузинской просодией и сочными ритмическими повторениями строк.

Представляется, что главный посыл, к которому подводит Миясат Муслимова своих читателей, есть... ожидание ответа на просьбу. Просьба эта о непременном, ежеминутном постижении самого себя, сначала осторожной, а потом и нарочитой, творческой осмысленности в мире. Ведь только осознав своё место под солнцем, можно реализовать и своё предназначение – жить по совести, в согласии с долгом людей и подчиняясь божьему промыслу, чтобы добрая молва о тебе «осталась на столетия»...

Ирина Светлова, поэт, прозаик, книгочел, г. Ставрополь (Россия)